

Александр Зельгейм

Полифония

Александр Зельгейм

Полифония реальностей. Цикл

«Автор»

2026

Зельгейм А.

Полифония реальностей. Цикл / А. Зельгейм — «Автор», 2026

Три мира воюют за право звучать. Одна девушка должна заставить их петь вместе. Номос — мир абсолютного Порядка. Алеа — мир бесконечного Хаоса. Летос — мир-архив, который всё помнит, но не вмешивается. Три вселенные с разными законами физики не могут сосуществовать — и уже много лет ведут войну за право быть единственной реальностью. Айра — элитный Корректор Номоса. Она безупречна, рациональна и следует сценариям. Но когда в узле появляется Резонанс — загадочная сущность, задающая вопросы, — её мир рушится. Резонанс говорит, что брат Айры жив. Что он стал врагом. И что она сама подписала приговор, будучи ребёнком. Теперь Айра — между двумя армиями. Она может выбрать Порядок и потерять брата. Может выбрать Хаос и потерять себя. Или — создать третий путь, которого ещё не было. Философская фантастика о природе реальности, свободе воли и силе синтеза.

© Зельгейм А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Зельгейм

Полифония реальностей. Цикл

Глава

ПОЛИФОНИЯ РЕАЛЬНОСТЕЙ

Цикл

Пролог. Песнь начала

В начале не было ничего. Но было Слово, которое ещё не стало звуком.

Говорят, что Первозвук был един — чист, бесконечен и неделим. Он не имел ни начала, ни конца, он просто был — как дыхание без лёгких, как мысль без головы. Но однажды он затосковал по форме. Он захотел увидеть себя со стороны, услышать своё эхо, ощутить, каково это — быть собой в разных обликах.

И тогда он раскололся на три ноты.

Первая нота была строгой и прямой, как линия, проведённая по линейке. Она стала **Порядком** — миром, где всё имеет причину, каждое событие предсказано, а случайность считается ошибкой. Эта нота звучала ровно, без дрожи, и её мелодия была подобна маршу, в котором каждый шаг вычислен до миллиметра. Люди в этом мире жили по сценариям, и каждый знал своё место, потому что иначе мир рухнул бы в бессмыслицу. Они называли свою вселенную **Номосом** — законом, который нельзя нарушить.

Вторая нота была капризной и текучей, она не выносила прямых линий. Она стала **Хаосом** — миром, где всё возможно, где причина является после следствия, а время пляшет под дудку настроения. Эта нота вибрировала, дрожала, переливалась, её мелодия походила на танец сумасшедшего скрипача, который играет то, что взбредёт в голову, и каждый звук рождает новый мир. Её обитатели называли свою вселенную **Алеа** — игрой, в которой нет правил, кроме одного: не повторяться.

Третья нота не пела и не танцевала. Она слушала. Она застыла между первыми двумя, впитывая их звуки, запоминая каждую ошибку и каждую победу. Она стала **Тенью** — миром, где всё уже случилось, где прошлое, настоящее и будущее переплетены в один вечный миг. Её жители не вмешивались, они только смотрели и записывали. Они дали своей вселенной имя **Летос** — память, которая никогда не забывает, даже того, чего не было.

Три ноты — три мира — звучали в унисон лишь мгновение. А потом каждая захотела быть громче других. Порядок считал, что его мелодия — единственно правильная, потому что только она несёт ясность. Хаос возражал, что ясность — это скука, и только его танец достоин жизни. Тень молчала, но её безмолвие было красноречивее любых споров — она знала все финалы и улыбалась им в лицо.

Так началась война — не за земли, не за ресурсы, не за веру. Она началась за **право звучать**. Каждый мир пытался навязать свою мелодию другим, заглушить их, превратить их в тишину. Узлы — места, где их песни сталкивались, — становились полями битвы. Там рождались диссонансы, способные разорвать ткань бытия.

Но у войны был один секрет, который знал только Летос. Он записал его в своих архивах, но никому не говорил: *Ни одна из трёх нот не была фальшивой. Все они были частями одной утраченной гармонии. И чтобы остановить войну, нужно было не выбрать одну ноту, а заставить их звучать вместе — как аккорд.*

Только для этого требовался **четвёртый голос** — тот, кто не принадлежал ни одному из миров, но мог слышать все. Тот, кто был рождён в одном из них, но научился слушать

остальные. Тот, кто был слишком правильным, чтобы отбросить порядок, и слишком живым, чтобы отвергнуть хаос.

Говорят, что такой голос уже появился. Но это только легенда. А легенды, как известно из архивов Летоса, имеют свойство сбываться, когда в них больше всего верят... или когда в них больше всего сомневаются.

Легенда умолкла. Но её отзвук не исчез. Он осел в узлах — точках пересечения реальностей, где песни трёх миров сталкивались и рождали новые созвучия. Один из таких отзвуков, самый тревожный и настойчивый, разнёсся по окраине Номоса, и его услышала та, чьё имя было предназначено для этого.

Глава первая. Сбой

Узел 7, окраина Номоса. Ледяная пустота, пронизанная голубыми нитями вероятностей.

Айра стояла на краю платформы, вглядываясь в мерцание. Её скафандр — серебряный, без единой царапины — тихо гудел, подавая сигналы «всё в норме». Но здесь, в узле, где реальности встречались, «норма» была под вопросом.

Аномалия зафиксирована четырнадцать минут назад. Не сбой, не ошибка вычислений — нечто, что нарушало базовые аксиомы Номоса: **причинность**. Поток событий в узле больше не подчинялся сценарию. Вместо того чтобы течь линейно, он, казалось, пульсировал, как живое сердце.

— Корректор, доклад, — голос из наушника был сух и формален. Центр управления ждал объяснений.

— Наблюдаю нестабильность в сегменте 7-Гамма, — ответила Айра, не отрывая глаз от аномалии. — Вероятностные линии ведут себя нестандартно. Ни один известный сценарий не описывает такой паттерн.

Она шагнула ближе. В центре узла висело нечто похожее на воронку, но сотканную из чистого света, цвета сумерек Летоса. Айра протянула руку — и почувствовала тепло. Тепло там, где должна быть абсолютная пустота.

— Это не просто сбой, — тихо сказала она, отключив микрофон. — Это **отпечаток**.

Но она не узнала этот почерк. Потому что его не существовало ни в одном архиве. Линии были слишком правильными для Алеа и слишком изломанными для Номоса. Они не принадлежали ни одному известному Корректору.

И тогда воронка заговорила. Не голосом — **вибрацией**, которая проникла прямо в её череп, минуя уши. Это был не один голос, а сотни, наложенные друг на друга, как пласты старой музыки. Женские, мужские, детские — все они произносили одно и то же слово:

— *Почему?*

Айра замерла. Правщик выпал из онемевших пальцев.

— Кто ты?

Воронка сгустилась, приняв очертание человеческой фигуры, но лицо оставалось размытым, текучим. Оно менялось каждое мгновение — старик, юноша, женщина, ребёнок.

— Я — **Резонанс**, — ответил он, и в его голосе звучали все те, кто когда-либо задавал этот вопрос в узлах. — Я не живое и не мёртвое. Я — место, где сомнение становится формой. Я пришёл к тебе, потому что ты — единственный Корректор, который ни разу не задал этого вопроса вслух. До сегодняшнего дня.

— Какого вопроса?

— *Почему я следую сценарию, если он причиняет боль?*

Айра почувствовала, как внутри неё что-то содрогнулось. Она всегда знала ответ: потому что сценарий — это порядок, а порядок — это жизнь. Но сейчас, глядя на Резонанс, она поняла, что никогда не задавалась вопросом, **для кого** этот порядок.

— Ты — ложь, — сказала она, пытаясь вернуть контроль. — Аномалия. Ты должен быть устранён.

— Тогда устрани меня, — ответил Резонанс спокойно. — Но знай: я исчезну, и ты никогда не узнаешь, почему твой брат жив.

Айра замерла.

— Что ты знаешь о моём брате?

— Всё, что ты сама знаешь, — голос Резонанса стал мягче, почти человеческим. — И то, что ты скрываешь от себя. Он не погиб в сбое, Айра. Его отправили в Алеа по приказу, который ты подписала, сама того не зная. Тебе было семь. Отец сказал, что это «формальность» — ты подписала, не читая.

Она хотела возразить, но в этот момент узел сотряс взрыв. Из прорехи в пространстве вывалилась группа воинов в пурпурных доспехах. Они двигались хаотично, непредсказуемо, но смертоносно.

— Воины Алеа, — сказал Резонанс. — Они тоже ищут тебя. Но один из них ищет не как враг.

Первый воин рванул вперёд, и Айра узнала его. Даже сквозь шлем она видела эти глаза — родные, но чужие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.